

Обряд вхождения в церковь: крещение

Основные концепции крещения

- Крещение как средство сообщения спасительной благодати
- Крещение как знак и печать завета
- Крещение как символ спасения

Рассмотрение спорных вопросов

- Смысл крещения
- Объекты крещения
- Способ крещения

Таинство крещения совершается практически во всех христианских церквях. Основанием для него служит прежде всего последнее поручение Иисуса апостолам и церкви: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19). Почти все согласны в том, что крещение так или иначе связано с началом христианской жизни, что это обряд приобщения как к всеобщей невидимой церкви, так и к местной видимой церкви. Но в вопросе о крещении существуют и значительные расхождения во взглядах.

Основные разногласия среди христиан проявляются по трем вопросам 1) В чем заключается смысл крещения? Что им фактически совершается? 2) Кто может быть объектом крещения? Следует ли его ограничивать людьми с осознанной верой в Иисуса Христа или его можно распространять на детей и даже младенцев, а если да, то на каком основании? 3) Как должно совершаться крещение? Только погружением или возможны и другие способы (обливание, окропление)? Эти вопросы мы поставили в нисходящем порядке по степени важности, ибо смысл таинства крещения сам по себе уже дает нам основания для выводов по другим вопросам.

Основные концепции крещения

Крещение как средство сообщения спасительной благодати

Прежде чем рассматривать эти вопросы, нам стоит обратиться к анализу различных христианских точек зрения на само таинство крещения. Согласно одной из них, водное крещение изливает на человека благодать. Сторонники этого взгляда говорят о возрождении через крещение: крещение производит преобразование личности, переводя человека от состояния духовной смерти к жизни. Самую крайнюю форму этого взгляда выражает традиционное католичество. Мы, однако, основное внимание уделим классической лютеранской позиции, во многом сходной с католической.

В понимании сакраменталистов, крещение — средство передачи Богом спасительной благодати, оно выливается в отпущение грехов¹. Пробуждая или укрепляя веру, крещение совершает омовение возрождения. С лютеранской точки зрения, таинство неэффективно, если уже нет веры. В этом отношении лютеранская позиция отличается от католической, согласно которой крещение передает благодать *ex opere operato*, то есть таинство действует само по себе. Иными словами, по лютеранским взглядам, необходимым условием является вера, а по католическим, достаточно одного таинства. Следует подчеркнуть, что таинство — не физическая передача какой-то духовной субстанции в душу человека.

Часто проводится сравнение между таинством крещения и проповедью Слова. Проповедь пробуждает веру, доходя до сердца через органы слуха. Крещение, со своей стороны, трогает сердце, доходя до него через органы зрения.

¹ Franz Pieper, *Christian Dogmatics* (St. Louis: Concordia, 1953), vol. 3, p. 264.

Следует понимать, что таинство — Божье дело. Это не нечто предлагаемое Богу человеком, принимающим крещение. Не совершается оно и служителем или священником. То есть сам по себе креститель не изливает какую-то благодать на принимающего крещение. Крещение — работа Святого Духа по приобщению человека к церкви: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12:13)².

Особое значение для сакраменталистов имеет Рим. 6:1-11. В соответствии с их истолкованием этого отрывка, крещение — не просто символ нашего единения со Христом в Его смерти и воскресении. Оно реально объединяет нас со Христом. Говоря: «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились» (Рим. 6:3), Павел имеет в виду, что крещение реально соединяет нас со смертью Христа. И оно соединит нас с Ним в Его воскресении (Рим. 6:5)³.

Крещение не только объективно соединяет человека раз и навсегда со Христом, оно оказывает и субъективное воздействие на верующего. Это воздействие продолжается всю жизнь, хотя крещение совершается только раз. Верующим об этом напоминает неоднократно. Именно это Павел делает в Рим. 6:3-5 и Гал. 3:26-27. Осознание своего крещения и соединения через него со Христом в Его смерти и воскресении — постоянный источник ободрения и вдохновения для верующего⁴.

Согласно лютеранским взглядам, объекты крещения делятся на две группы. Первая — взрослые, пришедшие к вере в Христа. Примеры видим в Деян. 2:41 и 8:36-38. Вторая — дети и даже младенцы, которых тоже крестили в новозаветные времена. Доказательством тому служит факт, что к Иисусу приносили детей, чтобы Он прикоснулся к ним (Мк. 10:13-16). Кроме того, в Деяниях читаем, что крестились целые дома (Деян. 11:14 [см 10:48]; 16:15, 31-48; 18:8). Вполне логично предположить, что большинство из этих семей состояло не только из взрослых. Дети — часть Божьего народа, как в ветхозаветные времена они были частью народа Израиля⁵.

Крещение детей в Новом Завете служит основанием для совершения такого обряда в наши дни. Кроме того, крещение детей просто необходимо. Ибо все люди рождаются с первородным грехом, достаточным для осуждения. Это пятно греха надо удалить. Поскольку дети сами не способны проявить веру, необходимую для возрождения, их надо очистить через крещение.

По католическому учению, если некрещеные дети умирают, они не могут попасть на небо. Им предназначено место, называемое *limbus infantium*. Там они не испытывают страданий и лишений, как в аду, но и не пользуются небесным блаженством⁶. В лютеранском же богословии нет такой уверенности относительно статуса некрещеных детей. Возможно, Бог каким-то не раскрытым нам способом производит веру в некрещеных детях христиан. Мы знаем, например, что девочки в Ветхом Завете хотя и не могли принять обряд обрезания, тем не менее пользовались благами завета. Правда, в отношении детей неверующих такой вопрос не ставится. Не высказывается и какого-то категорического мнения на эту тему, поскольку этот предмет нам не раскрыт и принадлежит к разряду непостижимых Божьих дел⁷. Лютеране отмечают, что у крещения младенцев долгая история. Фактически из внебиблейских источников явствует, что оно начало практиковаться не позднее II века н.э. Следовательно, для него есть достаточные основания. Поскольку мы не знаем Божьего отношения к некрещеным детям и младенцам, для христиан разумнее их крестить.

Лютеранские богословы сознают противоречие между практикой крещения младенцев и принципом оправдания только верой. Эта дилемма решается обычно одним из двух способов.

² Ibid., p. 270.

³ Ibid., p. 268.

⁴ Ibid., p. 275.

⁵ Ibid., p. 277.

⁶ Фома Аквинский, *Сумма теологии*, часть 3, дополнение, вопрос 69, статьи 4-7.

⁷ Pieper, *Christian Dogmatics*, vol. 3, p. 278.

Первый — предпосылка, что младенцы могут обладать неосознанной верой. Утверждается, что вера не обязательно требует проявления самоосознания и мыслительных способностей. Лютер отмечал, что вера не прекращается, когда человек спит или занят каким-то утомительным трудом. Иисус учил, что дети могут иметь подсознательную веру. Свидетельство тому видим в Мф. 18:6 («одного из малых сих, верующих в Меня»); 19:14; Мк. 10:14; Лк. 18:16-17. Еще одно доказательство — пророчество, что Иоанн Креститель «Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей» (Лк. 1:15). Наконец, Иоанн писал: «Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца» (1 Ин. 2:13)⁸. Второй способ решения проблемы — утверждение, что при крещении ребенка проявляется вера родителей. Говорят даже, что церковь выражает веру от имени детей. Таким образом, крещение младенцев основывается на заместительной вере⁹.

В католичестве такой дилеммы нет. По католической доктрине, крещение *действительно ex opere operato*. Вера по сути не нужна. Требуется только представить ребенка и должным образом совершить обряд¹⁰.

По лютеранским взглядам, способ крещения не имеет большого значения. Конечно, нужна вода, но это единственный важный фактор. Основное значение слова βαπτίζω — «погружать». Но у него есть и другие значения. Поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, какой метод применялся в библейские времена или даже существовал ли только один метод. Поскольку сам по себе способ не символизирует что-то важное или необходимое, обряд крещения не связан с какой-то определенной формой.

Крещение как знак и печать завета

Позиция, традиционно занимаемая реформатскими и пресвитерианскими богословами, тесно связана с концепцией завета. Таинства, в том числе крещение, они рассматривают как знаки или печати Божьей благодати. Но таинства сами по себе — не средства передачи благодати *ex opere operato* или в силу их внутреннего содержания. Согласно Бельгийскому исповеданию, это «видимые знаки и печати внутренней и невидимой работы в нас Бога силой Святого Духа»¹¹. В частности, это знаки и печати исполнения Богом завета, заключенного Им с человеческим родом. Подобно обрезанию в Ветхом Завете, крещение олицетворяет и реализует Божьи обетования.

В отличие от сакраменталистов, реформаты и пресвитериане не придают такого большого значения самому таинству крещения. Завет, обетование Божьей благодати, — основа и источник оправдания и спасения, крещение же — просто акт веры, благодаря которому мы входим в завет и пользуемся его благами. Крещение — способ приобщения к завету и одновременно знак спасения. Чарльз Ходж пишет об этом так: «Бог обещает блага, олицетворяемые крещением, взрослым людям, с верой принимающим это таинство, и детям, которые, достигнув зрелого возраста, остаются верными клятве, данной от их имени при крещении»¹². В случае со взрослыми эти блага абсолютны, а спасение детей зависит от верности данной клятве в будущем.

Объекты крещения в принципе те же, что и у сакраменталистов. С одной стороны, крещение принимают все верующие взрослые. Они уже пришли к вере. Примерами в Писании служат те, кто ответил на призыв Петра в день Пятидесятницы, уверовал и принял крещение (Деян. 2:41), а также темничный страж в Филиппах (Деян. 16:31-33)¹³. С другой стороны, крестят и детей верующих родителей. Хотя крещению детей Писание прямо не учит, оно в нем все же подразумевается. Бог заключил духовный завет с Авраамом *и с его потомством* (Быт. 17:7). Этот завет продолжается до наших дней. В Ветхом Завете это слово всегда

⁸ Ibid., vol. 2, pp. 448-449.

⁹ Ibid., vol. 3, p. 285.

¹⁰ Ibid., p. 256.

¹¹ Бельгийское исповедание 33.

¹² Charles Hodge, *Systematic Theology* (Grand Rapids: Eerdmans, 1952), vol. 3, p. 582.

¹³ Louis Berkhof, *Systematic Theology* (Grand Rapids: Eerdmans, 1953), pp. 631-632.

употребляется в единственном числе (например, Исх. 2:24; Лев. 26:42). У завета только один посредник (Деян. 4:12; 10:43). Новозаветные верующие участвуют в завете или наследуют его (Деян. 2:39; Рим. 4:13-18; Гал. 3:3-18; Евр. 6:13-18). Таким образом, положение верующих как в новозаветные времена, так и сегодня следует понимать в свете завета, заключенного с Авраамом¹⁴.

Поскольку ветхозаветные принципы сохраняют силу, они применимы и сегодня. Если завет распространялся на ребенка тогда, он входит в него и сейчас. Мы уже отмечали, что завет был заключен не только с Авраамом, но и с его потомством. Значение имеет и всеобъемлющий характер ветхозаветного понимания Израиля. При обновлении завета участие принимали, дети (Вт. 29:10-13). Заповеди Моисея Иисус Навин читал перед всем собранием Израиля — «и женами, и детьми» (Нав. 8:35). Когда Дух Господень сошел на Иозиила и тот начал доносить слова обетования Господа Израилю при этом присутствовали и малые дети (2 Пар. 20:13). Все собрание, в том числе грудные младенцы (Иоииль 2:16), слышало обещание Иоиля об излитии Духа на сыновей и дочерей (Иоииль 2:28).

Из этого выводится ключевой аргумент: как в Ветхом Завете знаком союза с Богом было обрезание, так в Новом Завете таким знаком стало крещение. Крещение заменило обрезание¹⁵. От обрезания отказались, оно больше не действовало (Деян. 15:1-2; 21:21; Гал. 2:3-5; 5:2-6; 6:12-13, 15). Место обрезания как средства вхождения в завет заняло крещение. Замену эту произвел Христос. Он дал ученикам поручение идти, учить и *крестить* (Мф. 28:19). Как обрезание требовалось от прозелитов, обращенных в иудаизм, так и крещение требуется от обращенных в христианство. Для них это пропуск для вхождения в завет. У обоих обрядов одно и то же значение. Обрезание означало разрыв с грехом и изменение состояния сердца. На это указывают многочисленные места в Ветхом Завете, где говорится об обрезании сердца, то есть о духовном обрезании в отличие от физического (Вт. 10:16; 30:6; Иер. 4:4; 9:25-26; Иез. 44:7, 9). Крещение тоже показано как очищение от греха. В Деян. 2:38 Петр наставляет: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, — и получите дар Святого Духа». В 1 Пет. 3:21 он пишет: «Крещение... спасает». Павел говорит о «возрождении и обновлении Святым Духом» (Тит. 3:5), крещение он связывает с духовным обновлением (Рим. 6:4). Решающее доказательство замены обрезания крещением находим в Кол. 2:11-12: «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; бывши погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых». Эти стихи с очевидностью показывают, что сейчас достаточным признаком завета служит крещение.

Здесь надо сделать еще два замечания. Во-первых, сторонники точки зрения, что крещение представляет собой прежде всего знак и печать завета, утверждают, что на детей нельзя распространять требования, предъявляемые к взрослым. Во-вторых, выразители этого взгляда упор делают на объективном аспекте таинства. Значение имеет не субъективное восприятие, а объективный факт вхождения в завет с обетованием спасения¹⁶.

По реформатским и пресвитерианским взглядам, способ крещения не имеет особого значения. Смысл глагола βαπτίζω не очень ясный. В новозаветные времена значение имел сам факт крещения, а не его способ¹⁷.

Действительно, есть указания, что в новозаветные времена крещение не совершалось и не могло совершаться исключительно погружением. Например, была ли у Иоанна физическая возможность погружать в воду всех, кто приходил к нему? Мог ли темничный страж в Филиппах оставить свой пост и пойти туда, где было достаточно воды для погружения? Могли ли принести достаточно воды в дом Корнилия? Покинул ли Павел для крещения

¹⁴ Ibid., pp. 632-633.

¹⁵ Ibid., p. 634.

¹⁶ Hodge, *Systematic Theology*, pp. 552-555.

¹⁷ Berkhof, *Systematic Theology*, p. 630.

то место, где Анания нашел его? Эти вопросы наводят на мысль, что погружение использовалось не в каждом случае¹⁸.

Кроме того, в погружении нет необходимости для сохранения символики крещения. Таинство крещения подчеркивает в первую очередь не смерть и воскресение. Основной смысл — очищение. Все новозаветные способы омовения — погружение, обливание, окропление — выражают мысль об очищении. Это *διαφόροις βαπτισμοῖς*, о которых идет речь в Евр. 9:10. Учитывая эти соображения, мы можем использовать любой доступный и приемлемый способ¹⁹.

Крещение как символ спасения

Третья точка зрения рассматривает крещение как символ, внешний признак или показатель происходящего в верующем внутреннего изменения²⁰. Оно служит публичным свидетельством веры человека в Иисуса Христа. Это обряд приобщения — мы крестимся *во* имя Христа²¹.

Креститься повелел Христос (Мф. 28:19-20). Поскольку этот обряд *предписан* Им, его следует понимать скорее как *предписание*, а не как таинство. Сам по себе он не производит в человеке какого-то духовного изменения. Мы продолжаем совершать обряд крещения просто потому, что так повелел Христос, и потому, что он играет роль публичного свидетельства. Он подтверждает факт спасения человека для него самого и для окружающих.

Обряд крещения не передает каких-то прямых духовных благословений. В частности, мы не возрождаемся благодаря крещению, ибо оно *предполагает* веру, ведущую к спасению. Оно, следовательно, служит свидетельством того, что человек уже возрожден. Если в крещении и есть какая-то духовная польза, то она состоит в том, что оно вводит человека в местную церковь²².

С точки зрения тех, кто рассматривает крещение как по сути свой внешний символ, вопрос об объектах крещения имеет очень большое значение. Кандидаты на принятие обряда крещения должны уже пережить новое рождение благодаря своей вере. Они должны демонстрировать ясные свидетельства возрождения. Хотя церковь или лицо, совершающее обряд, не могут в полной мере судить о кандидате, необходимо все же удостовериться по крайней мере, что он понимает смысл церемонии. Это можно определить, предложив кандидату рассказать, как он пришел к вере, или ответить на некоторые вопросы. Основание для такой предосторожности перед совершением обряда крещения находим в словах Иоанна Крестителя фарисеям и саддукеям, пришедшим к нему креститься: «Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф. 3:7-8)²³.

Крещение, о котором здесь идет речь, — крещение *верующих*. Но не обязательно крещение *взрослых*. Это крещение тех, кто отвечает условиям спасения (покаяние и активная вера). Основание для такой позиции можно найти в Новом Завете. Прежде всего, есть негативный аргумент, или аргумент по умолчанию. Все люди, поименно названные в Новом Завете как принявшие крещение, были ко времени крещения взрослыми²⁴. Утверждения, что «при крещении целых семей наверняка крестились и дети» или что «мы не можем с уверенностью говорить, что дети не крестились», не имеют большого веса в глазах сторонников крещения верующих, и действительно, такие аргументы выглядят в лучшем случае недостаточно обоснованными. Далее, Писание ясно показывает, что личная осознанная вера во Христа — необходимое условие крещения. В Великом Поручении

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Hodge, *Systematic Theology*, pp. 533-534.

²⁰ H. E. Dana, *A Manual of Ecclesiology* (Kansas City, Kans.: Central Seminary, 1944), pp. 281-282.

²¹ Edward T. Hiscox, *The New Directory for Baptist Churches* (Philadelphia: Judgson, 1894), p. 121.

²² Augustus H. Strong, *Systematic Theology* (Westwood, N.J.: Revell, 1907), p. 945.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., p. 951.

повеление крестить следует за повелением учить (Мф. 28:19). Иоанн Креститель требовал покаяния и исповедания грехов (Мф. 3:2, 6). В конце своей проповеди на Пятидесятницу Петр призвал сначала к покаянию, а затем к крещению (Деян. 2:37-41). Формулу «вера, затем крещение» мы видим в Деян. 8:12; 18:8 и 19:1-7²⁵. Все эти соображения ведут к заключению, что крестить следует только сознательных верующих.

В вопросе о способах крещения есть некоторые расхождения. Некоторые группы, в частности меннониты, крестят только верующих, но не погружением²⁶. Но большинство сторонников крещения верующих используют только погружение, их обычно называют баптистами. Если крещение понимается как символ или свидетельство спасения, уже полученного человеком, не удивительно, что основным его способом считается погружение, ибо оно наилучшим образом олицетворяет воскресение верующего из духовной смерти²⁷.

Рассмотрение спорных вопросов

Обратимся теперь к вопросам, поставленным в начале главы. Нам надо определиться, какую из изложенных позиций можно считать наиболее приемлемой в свете всех относящихся к делу свидетельств. Начнем с главного вопроса о природе и смысле крещения.

Смысл крещения

Следует ли считать крещение средством возрождения, необходимым условием спасения? Такую позицию как будто бы подкрепляет целый ряд текстов. Но при ближайшем рассмотрении убедительность этой позиции становится менее очевидной. В Мк. 16:16 читаем: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет». Но обратите внимание, что во второй части стиха крещение вообще не упоминается: «А кто не будет веровать, осужден будет». С осуждением связывается отсутствие только веры, а не крещения. По законам индуктивной логики, если какое-то явление (например, спасение) происходит в одном случае, но не происходит в другом, причину этого явления надо искать в том, чем эти случаи различаются между собой. Итак, о необходимости для спасения веры в Мк. 16:16 заявляется совершенно определенно, тогда как вопрос о крещении не столь ясен. Еще один аргумент заключается в том, что этот стих (фактически весь отрывок Мк. 16:9-20) не фигурирует во многих кодексах и переводах Евангелия.

Еще один текст, приводимый в поддержку концепции о крещении как о средстве возрождения и передачи спасительной благодати, — Ин. 3:5: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». Но здесь нет ясных указаний, что имеется в виду именно крещение. При анализе смысла «рождения от воды» для Никодима наше рассуждение, хотя и не однозначно, склоняется к мысли об очищении, а не о крещении²⁸. Отметим, что акцент во всем отрывке делается на Духе и о воде больше не упоминается. Ключевая мысль — противопоставление *сверхъестественного* (Духа) и *естественного* (плоти). «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3:6). Иисус объясняет, что новое рождение есть рождение от Духа. Эта работа Духа подобна дыханию ветра и не вполне уловима (Ин. 3:7-8). В свете общего контекста можно сделать заключение,

²⁵ Geoffrey W. Bromiley, «Baptism, Believers'» // *Baker's Dictionary of Theology*, ed. Everett F. Harrison (Grand Rapids: Baker, 1960), p. 86.

²⁶ John C. Wenger, *Introduction to Theology* (Scottsdale, Pa.: Herald, 1954), pp. 237-240.

²⁷ Paul King Jewett, «Baptism (Baptist View)» // *Encyclopedia of Christianity*, ed. Edwin H. Palmer (Marshalltown, Del.: National Foundation for Christian Education, 1964), vol. 1, p. 520.

²⁸ Leon Morris, *The Gospel According to John* (Grand Rapids: Eerdmans, 1971), pp. 215-216. Комментируя точку зрения, что Иисус имеет здесь в виду христианское крещение, Моррис, член англиканской церкви, пишет: «Ее слабое место в том, что Никодим никак не мог понять намек на еще не существующее таинство. Трудное допустить, что Иисус говорил так, что Его слова не могли быть поняты. Он стремился не мистифицировать, а просвещать. В любом случае, общая направленность этого отрывка подчеркивает служение Духа, а не какой-то церковный обряд». См. также: D. W. B. Robinson, «Born of Water and Spirit: Does John 3:5 Refer to Baptism?» // *Reformed Theological Review* 25, no. 1 (January-April 1966): 15-23.

что рождение от воды равнозначно рождению от Духа. Предлог как в Ин. 3:5 имеет явно усилительный смысл, и стих можно перевести так: «Если кто не родится от воды, то есть от Духа, не может войти в Царствие Божие».

Третье место, требующее рассмотрения, — 1 Пет. 3:21: «Подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа». Обратите внимание, что в этом стихе воздействие обряда крещения самого по себе фактически отрицается. Оно спасает только как «обещание Богу», как акт проявления веры, подтверждающий доверие к Нему и опору на Него. Реальная основа нашего спасения — воскресение Христа.

В книге Деяний тоже есть места, связывающие покаяние с крещением. Самое, пожалуй, важное — ответ Петра в день Пятидесятницы на вопрос: «Что нам делать, мужи братия?» (Деян. 2:37). Он ответил: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов,— и получите дар Святого Духа» (Деян. 2:38). Но в этом рассказе в целом речь идет о том, что три тысячи человек приняли его слово и затем крестились. В следующей записанной проповеди Петра (Деян. 3:17-26) акцент делается на покаянии, обращении и принятии Христа, о крещении вообще не упоминается. В ключевых стихах Деян. 3:19-20 (повторяющих мысль Деян. 2:38 за одним примечательным исключением, что в них нет призыва к крещению) читаем: «Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа». Керигма в главе 4 основывается на решающем значении веры в Иисуса, о крещении опять же не упоминается (Деян. 4:8-12). А когда темничный страж в Филиппах спросил: «Что мне делать, чтобы спастись?» — Павел ответил просто: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 16:30-31). О крещении он ничего не сказал. (Не следует, правда, упускать из вида факт, что сам страж и все домашние его вскоре крестились.) Разумеется, между покаянием и обращением, с одной стороны, и крещением — с другой, существует тесная и важная связь, тем не менее эти места в Деяниях как будто бы указывают, что связь эту не следует считать неразрывной или абсолютной. В отличие от покаяния и обращения, крещение не обязательное условие спасения. Оно представляется, скорее, выражением или следствием обращения.

Обратимся, наконец, к Тит. 3:5. Павел пишет, что Бог «спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом». Если здесь и есть намек на крещение, то очень расплывчатый. «Баня возрождения» означает, скорее, очищение и прощение грехов. Крещение — просто символическое выражение, а не средство прощения. Мы делаем вывод, что библейские основания в поддержку позиции, согласно которой крещение — средство возрождения или необходимый для спасения канал благодати, весьма шаткие.

Более того, с концепцией о возрождении через крещение связаны и некоторые специфические проблемы. Если принять во внимание все вытекающие из нее последствия, эта концепция противоречит принципу спасения благодатью, которому ясно учит Новый Завет. Утверждение о необходимости крещения для спасения напоминает утверждение иудействующих о необходимости обрезания для спасения, которое Павел категорически отверг в Гал. 5:1-12. Далее, за исключением Великого Поручения, Иисус никогда не включал тему о крещении в Свою проповедь и учение о царстве. Разбойник на кресте не был крещен и не мог быть крещен. Тем не менее Иисус заверил его: «Ныне же будешь со Мною в раю». Следует отметить, что попытки согласования концепции о возрождении через крещение с библейским принципом спасения только верой выглядят несостоятельными. Неубедительно и утверждение, что крещенные дети обладают неосознанной верой или что им помогает вера родителей (или церкви). Таким образом, представление о крещении как о средстве передачи спасительной благодати безосновательно со многих точек зрения.

А что можно сказать о позиции, согласно которой крещение продолжает или заменяет ветхозаветный обряд обрезания как знак вхождения в завет? В этом отношении показательно, что в Новом Завете значение внешнего обряда обрезания умалется. В нем заявляется

о необходимости замены обрезания, но не каким-то другим внешним действием (например, крещением), а внутренним расположением сердца. Павел указывает, что ветхозаветное обрезание было внешним формальным действием, свидетельствующим о принадлежности к иудаизму, но истинный иудей тот, который таков внутри: «Но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала, не от людей, но от Бога» (Рим. 2:29). Павел говорит, что не просто прошло время обрезания, а что изменилась сама структура, частью которой было обрезание. В то время как Оскар Кульман²⁹ и другие решительно заявляют, что крещение — новозаветный эквивалент обрезания, Джордж Бисли-Мюррей отмечает, что крещение «покончило с необходимостью обрезания, поскольку оно означает союз верующего со Христом, и в этом союзе с Ним ветхая природа исчезает. Меньшее обрезание заменено большим; обещанное в Ветхом Завете духовное обрезание стало в Новом реальностью через крещение»³⁰. Таким образом, если что-то и заняло место внешнего обрезания, так это не крещение, а внутреннее обрезание. Но, как указывает Павел в Кол. 2:11-12, между духовным обрезанием и крещением существует тесная связь.

В чем же тогда заключается смысл крещения? Отвечая на этот вопрос, прежде всего отметим важную связь между крещением и нашим единением со Христом в Его смерти и воскресении. Эту мысль Павел подчеркивает в Рим. 6:1-11. Использование глагола в аористе подразумевает, что в какой-то конкретный момент верующий фактически соединяется со смертью и воскресением Христа: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6:3-4). Отметим, во-вторых, что в книге Деяний вера часто связывается с крещением. Крещение обычно либо непосредственно следует за принятием веры, либо практически совпадает с ним по времени. Павел в момент обращения был ослеплен. Когда же Анания, по повелению Бога, пошел в дом на улице, называвшейся Прямой, поговорил с Павлом и возложил на него руки, с глаз Павла спала как бы чешуя и он прозрел. Он встал, крестился и принял пищу (Деян. 9:18-19). Много лет спустя, рассказывая об этом событии толпе, собравшейся в Иерусалиме, Павел привел слова, которые сказал ему Анания: «Итак, что ты медлишь? встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа (Иисуса)» (Деян. 22:16). Слова Анании подразумевают, что при крещении человек призывает имя Господа. Таким образом, крещение само по себе есть акт выражения веры и преданности. Хотя вера возможна и без крещения (т.е. спасение не обуславливается крещением), крещение все же естественным образом сопутствует принятию веры и завершает его.

Итак, крещение — выражение веры и свидетельства единения человека со Христом в Его смерти и воскресении, то есть его духовного обрезания. Это публичная демонстрация верности Христу. Эту точку зрения Карл Барт прямо и недвусмысленно высказывает в самых первых словах своей замечательной небольшой работы «Учение церкви о крещении»: «Христианское крещение — по сути своей отражение [Abbild] обновления человека участием, силой Святого Духа, в смерти и воскресении Иисуса Христа и тем самым отражение единения человека со Христом, с заветом благодати, заключенным и реализуемым в Нем, и с Его Церковью»³¹.

Крещение — мощное заявление. Это провозглашение истины о совершенных Христом делах, «водная баня», свидетельствующая о приобщенности верующего к смерти и воскресению Христа (Рим 6:3-5). Это символ, а не знак, ибо оно наглядно выражает передаваемую истину. Между знаком и его соответствием нет внутренней связи. Например, зеленый сигнал светофора мы просто условно воспринимаем как разрешение ехать дальше. А вот на пересечении с железной дорогой смысл находящегося там знака иной — это символ,

²⁹ Oscar Cullmann, *Baptism in the New Testament* (London: SCM, 1950), pp. 56-70.

³⁰ George R. Beasley-Murray, *Baptism in the New Testament* (London: Macmillan, 1962), p. 315.

³¹ Karl Barth, *The Teaching of the Church Regarding Baptism*, trans. Ernest A. Payne (London: SCM, 1948), p. 9.

он ясно показывает, что здесь шоссе пересекается с железнодорожными путями. Крещение — символ, а не знак, поскольку оно олицетворяет смерть и воскресение верующего со Христом.

Объекты крещения

Обратимся теперь к вопросу о том, кого следует крестить. Суть здесь заключается в различии во взглядах, можно ли крестить детей или надо крестить только верующих (то есть тех, кто уже проявляет веру в искупительное служение Христа). Отметим, что дихотомия заключается не в разделении крещения детей и взрослых, — противники крещения детей заявляют, что кандидаты на принятие крещения уже должны проявлять веру. Мы считаем, что правильная точка зрения — крещение верующих.

Один из главных аргументов в пользу этой позиции — отсутствие в Новом Завете каких бы то ни было прямых указаний на крещение детей. Впечатляющее заявление на этот счет сделано в докладе «Крещение и конфирмация сегодня», составленном Объединенным комитетом по крещению, конфирмации и святому причастию Церкви Англии:

Ясно, что крещение обычно принимали взрослые, а не дети; следует признать, что в Новом Завете нет каких-то убедительных свидетельств о крещении детей. Можно говорить только о том, что в число «домашних» при крещении, *возможно*, входили дети (Деян. 16:15, 33; 1 Кор. 1:16). Во всяком случае совершенно очевидно, что *учение* о крещении в Новом Завете связывается с крещением взрослых, это же относится (с двумя или тремя исключениями) к авторам первых трех веков... Во всех приводимых в Новом Завете случаях крещения Евангелие было уже услышано и принято, а условие проявления веры (и, вероятно, покаяния) сознательно выполнялось до принятия таинства³².

Многие исследователи Нового Завета согласны с такой точкой зрения. Они считают, что речь может идти лишь о возможном крещении детей в числе домашних.

Но некоторые исследователи занимают более категоричную позицию. Среди них — Иоахим Иеремиас, полагающий, что в число домашних при крещении непременно входили дети. Ссылаясь на Деян. 11:14 (см. Деян. 10:48); 16:15, 31-34; 18:8 и 1 Кор. 1:16, он пишет: «Во всех пяти случаях лингвистические факторы не позволяют ограничивать понятие “дома”, “домашних” лишь взрослыми членами семьи. Напротив, они ясно показывают, что крещение принимали все члены семьи»³³. Бисли-Мюррей, однако, замечает, что такая аргументация хотя и выглядит разумной, однако приводит к заключениям, выходящим за рамки намерений Иеремиаса, ибо эти дома переживали не просто крещение. Бисли-Мюррей отмечает, например, что, «согласно взглядам Иеремиаса, не может быть никаких сомнений относительно смысла Деян. 10:44-48: все домашние Корнилия услышали слово, все приняли Духа, все заговорили на языках, все крестились; дети тоже услышали слово, приняли Духа, заговорили на языках и крестились. Не может быть никаких исключений»³⁴. Разумеется, это место и другие, подобные ему, можно истолковать и по-другому. Возможно, все члены этих семей отвечали условиям, необходимым для крещения: они уверовали и покались. Но в таком случае все они достигли сознательного возраста, когда человек способен принимать на себя определенные обязательства.

Еще один аргумент в защиту концепции о крещении детей заключается в том, что дети, которых приводили к Иисусу для возложения на них рук (Мф. 19:13-15; Мк. 10:13-16; Лк. 18:15-17), фактически принимали крещение. В докладе 1955 года Специальной комиссии по крещению Церкви Шотландии утверждается, что слова Иисуса о «малых сих, верующих в Меня» (Мф. 18:6), означают, что они входят в число «крестившихся во Христа» (Гал. 3:27)³⁵. Доклад пытается также доказать, что Мф. 18:3; Мк. 10:15 и Лк. 18:17 — параллельные места

³² *Baptism and Information Today* (London: SCM, 1955), p. 34.

³³ Joachim Jeremias, *The Origins of Infant Baptism: A further Study in Reply to Kurt Aland*, trans. Dorothea M. Barton (London: SCM, 1965), p. 25.

³⁴ Beasley-Murray, *Baptism*, p. 315.

³⁵ The Church of Scotland, «Interim Report of the Special Commission on Baptism», May 1955, p. 23.

с Ин. 3:3 и 3:5 и что во всех них речь идет о крещении³⁶. Это развитие аргументации Иеремиаса. Эту часть доклада Бисли-Мюррей комментирует следующим образом: «Такая экзегетика представляется мне настолько невероятной, что я даже не могу понять, как ответственная группа богословов середины XX века могла допустить публикацию такого документа от своего имени»³⁷.

Как Иеремиас, так и Кульман рассматривают Мк. 10:13-16 и параллельные места с точки зрения *Sitz im Leben*, положения ранней церкви. Они полагают, что эти рассказы были включены в Евангелия для оправдания практиковавшегося церковью крещения детей³⁸. Анализ и оценка этого вопроса выходят за рамки задач нашей работы³⁹, тем не менее важно отметить, что в этих отрывках о крещении не упоминается. Если бы включение этих рассказов в Евангелия преследовало цель обоснования крещения детей, где-то в непосредственном контексте должна была бы быть прямая ссылка на крещение. Говоря, что для вхождения в царство небесное человек должен стать как дитя, Иисус имел в виду необходимость простой веры, а не крещение.

Отметим, наконец, что позиция сторонников крещения детей основывается на понимании крещения либо как средства передачи спасительной благодати, либо как знака и печати вхождения в завет наподобие ветхозаветного обрезания. Поскольку оба эти представления мы сочли необоснованными, делаем вывод о несостоятельности и точки зрения сторонников крещения детей. Исходя из самого смысла крещения, мы должны придерживаться концепции о крещении верующих, тем более что в Новом Завете не показано ни одного ясного случая крещения человека до принятия им веры.

Способ крещения

Вопрос о надлежащем способе крещения невозможно решить на основании лингвистического анализа. Отметим, однако, что основное значение слова βαπτίζω — «погружать» или «опускать под воду»⁴⁰. Мартин Лютер и Жан Кальвин считали погружение первым значением термина и изначальной формой крещения, практиковавшейся ранней церковью⁴¹. Погружение можно считать библейским способом крещения на основании нескольких соображений. Иоанн крестил в Еноне, «потому что там было много воды» (Ин. 3:23). При крещении Иоанном Иисус «вышел из воды» (Мк. 1:10). Услышав Благою Весть, евнух эфиоплянин сказал Филиппу: «Вот, вода; что препятствует мне креститься?» (Деян. 8:36). Затем они оба сошли в воду, Филипп крестил его, и они вышли из воды (Деян. 8:38-39).

Но можно ли считать изначальным практиковавшееся крещение погружением чем-то большим, нежели просто историческим фактом? То есть имеет ли это для нас нормативное значение? Нет сомнений, что в новозаветные времена крещение совершалось погружением. Но означает ли это, что мы и сейчас должны крестить погружением? Или есть другие возможности? По мнению тех, кто не считает способ крещения особенно важным, между смыслом крещения и способом его совершения нет никакой неразрывной связи. Но если крещение, как мы отмечали при обсуждении вопроса о его смысле, представляет собой символ, а не просто произвольный знак, мы не можем менять способ его совершения.

В Рим. 6:3-5 Павел проводит мысль о связи между способом крещения (погружением в воду и выходом из нее) и тем, что оно символизирует (смертью во грехе и новой жизнью во Христе; кроме того, крещение символизирует основание, на котором верующий умирает

³⁶ Ibid., p. 25.

³⁷ Beasley-Murray, *Baptism*, p. 311, n. 27.

³⁸ Joachim Jeremias, *Infant Baptism in the First Four Centuries*, trans. David Cairns (Philadelphia: Westminster, 1960), p. 51; Cullmann, *Baptism*, pp. 72-78.

³⁹ См. Beasley-Murray, *Baptism*, pp. 322ff.

⁴⁰ Henry George Liddell and Robert Scott, *A Greek-English Lexicon* (Oxford: Clarendon, 1951), vol. 1, pp. 305-306.

⁴¹ *What Luther Says*, comp. Ewald M. Plass (St. Louis Concordia, 1959), vol. 1, pp. 57-58; John Calvin, *Institutes of the Christian Religion*, book 4, chapter 16, section 13.

для греха и возрождается к новой жизни: смерть, погребение и воскресение Христа). БислиМюррей пишет:

Несмотря на неоднократные опровержения экзегетов, есть все основания полагать, что смысл заявления Павла о *погребении* крещением, а не просто *смерти* (как в Рим. 6:7) связан с самой природой крещения через погружение. Поражает сама символика погружения как погребения, и если крещение вообще можно соотносить с пророческим символизмом, аналогия между действием и событием, которое оно олицетворяет, имеет определенный смысл. Считается, что заявления типа сделанного Доддом: «Погружение подобно погребению... выход из воды подобен воскресению» — основываются только на том, что значение крещению придает кериigma, что весь его смысл заключен во Христе и в Его искупительном служении, что это кериigma *в действии* и что чем больше действие соответствует содержанию кериigma, тем больше его воздействие. Но повторим еще раз: соединение «с Ним» при крещении основывается на Евангелии, а не на каком-то подражательном материале. Оно совершается «в *Его* смерти»: во Христе и в Его смерти. Смысл таинству придают Христос и Его воскресение. Как сказал один из самых первых британских баптистов, крещение означает погружение в воду насмерть⁴².

Можно возразить, что у Бисли-Мюррея, как баптиста, предвзятый взгляд на этот вопрос. О Карле Барте, представителе реформатского крыла, такого сказать нельзя. Вот что он пишет:

Греческое слово βαπτίζω и немецкое *taufen* (от *Tiefe* — глубина) главным образом и прежде всего выражают мысль о полном погружении человека или какого-то предмета в воду и извлечения из нее. Изначально крещение совершалось именно так, как и обрезание в Ветхом Завете, — за прямой угрозой жизни непосредственно следовало освобождение и сохранение, исходящее из крещения. Вряд ли можно отрицать, что крещение совершалось погружением — и так было на Западе вплоть до средних веков, — оно гораздо выразительнее отражает смысл, чем ставшее впоследствии привычным обливание, особенно когда обливание свелось к простому смачиванию и в конечном счете к окроплению небольшим количеством воды... Можно ли такие соображения, как простота совершения обряда, забота о здоровье и соблюдение приличий, считать последним словом и поступать иначе [т.е. совершать крещение не в его изначальной форме]?⁴³

В свете этих соображений погружение представляется наиболее обоснованной среди всех позиций. Возможно, это не единственная приемлемая форма крещения, но она в наибольшей степени сохраняет и выражает смысл крещения.

Какой бы способ ни принимался, к крещению нельзя относиться легкомысленно. Оно имеет большое значение, ибо представляет собой знак союза верующего со Христом и признание этого союза, дополнительный акт веры, еще крепче цементирующий эту связь.

⁴² Beasley-Murray, *Baptism*, p. 133.

⁴³ Barth, *Teaching*, pp. 9-10.